

Алексей ЕСКОВ

НАДЫ!

которую несет зараженная
м власть «с Лениным в
агном в руках (Маяков-
идея крестьянина?
тво отнюдь не свойст-
адоному. Не с мес-
на Сибирь ватага
анкий возглавлял
од — беглые,
выразили дру-
е, бесшабаш-
ше раз на-
м что Бог
дочке»).

С западной то-
но спорить ли-
«нравственн-
рели? (Вс-
отстава
полн

(М. С. Лунин, 1839 г.).
гражде

Алексей Михайлович

1

Об Алексее Михайловиче Пескове говорить и легко, и трудно. Легко – потому что при воспоминании становится радостно на душе. Трудно – потому что приходится осторожничать: никогда не охватишь образа целиком – он и близок, и далек.

Только сейчас стало понятно, сколько полей общения Алексей Михайлович объединял вокруг себя. Во всех формах его творчества всегда оставалась перспектива чего-то иного, незаметная с первого взгляда и все же создающая эхо.

За филологом виделся историк. За историком – прозаик. За прозаиком – поэт (в широком смысле слова). За поэтом – мощный, мудрый, тонкий человек, знающий жизнь и любящий ее.

Со мной было так, или так было воспринято мною, а с другими, может, совершенно по-другому. Стоит вспомнить слова самого Алексея Михайловича:

Каждый очевидец говорит про свое. Не все рассказчики правдивы: иные лгут для собственного удовольствия, тщеславия или оправдания; другим померещилось, третьим – пригрезилось, четвертые передают пятым то, о чем лгут первые, что померещилось вторым и пригрезилось третьим. Но даже если кто-то добросовестно хочет поведать всю правду-истину, он все равно не сможет рассказать, как что было на самом деле, ибо всякая правда и любая истина относительны условий их наблюдения и кругозора наблюдателя¹.

599

Не хочу нарушать дистанцию. Постараюсь остаться не исследователем, а просто учеником Алексея Михайловича – тем самым очевидцем, рассказывающим анекдоты «разной степени тавтологии и достоверности»².

¹ Песков А.М. Павел I. М., 1999. С. 5.

² Там же. С. 12.

Помню эскалатор, по которому мы поднимались вечером после подкурсов, и я впервые услышал от Кирилла И. имя моего будущего научного руководителя.

Ко времени нашего знакомства Кирилл уже всю преподавал в Школе юного филолога, хотя был почти моим ровесником. С длинными волосами, в шарфе, с особенной округлой жестикуляцией, любитель Набокова, начитанный и в то же время свой в доску, — он стал для меня, по сути, проводником в филологию.

Его отзывы об Алексее Михайловиче были такими сильными, что казалось, пойти на семинар к кому-нибудь другому просто неприлично.

И вот, наконец, второй курс — лекции по истории литературы XVIII века, которые читал Алексей Михайлович. Сентябрь 2002. Жаркое лето, переходящее в осень. Пятна солнца на доске.

Манера лектора сразу заинтриговала. Когда он говорил, интонация была отстраненная³. Но сразу чувствовалась в его облике некая приподнятость и сила. Рассказывая о том, что страну тогда называли «Российские Европии», а поэт, как правило, писал «для опытка»⁴, Алексей Михайлович лишь слегка отделял эти чудные выражения писателей ушедшей эпохи от собственной речи.

К примеру, если он цитировал стихи Сумарокова, казалось, что в тексте таится скрытая «прикольца»:

Бей в ладони, и, вертись,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно;

³ У меня сохранились конспекты этих лекций, которые передают форму подачи материала, но, понятно, не могут передать интонацию Алексея Михайловича. Впрочем, даже в самой пунктирности, которую второкурсник мог воспринять всерьез, видна едва заметная ирония лектора: «1725–1727 годы — в Москве и Петербурге появляется человек, начинающий сочинять силлабические стихи, подражания классикам французской поэзии XVII века. Зовут его А.Д. Кантемир... 1725–1735 годы — два человека в России пытаются приучиться к тому, что читают в Европе... 1750-е годы — подражания старшим тех, кто родился в 20–30-е. Они и образуют “литературную жизнь”».

⁴ Подразумевалось, что тогда стихотворец писал любовную лирику не вследствие реальных чувств, а чтобы создать своего рода «энциклопедию переживаний». Именно поэтому в XVIII веке, как я понял мысль Алексея Михайловича, был столь распространен жанр «песни» — «выражения любовного чувства, не обязательно от лица возлюбленного». Элегия, наоборот, не была развита, поскольку этот жанр предполагает конкретного адресата. Исповедальность стала критерием оценки текста позднее. Именно в тот момент, когда в стихах стало возможно усмотреть черты самого автора, с точки зрения Алексея Михайловича, и возник интерес к биографии писателя.

Мной бесчисленно целован
Всякой рук твоих и палец⁵.

То ли в самом «словосовмещении» прятался изощренный юмор, скрывался эдакий классицистский Хармс, то ли Алексей Михайлович читал все это вполне всерьез?.. Возникало ощущение едва заметного «двойного послания».

Еще от этого, раннего, знакомства запало в память словосочетание, услышанное в ту пору впервые, – «сопряжение далековатых идей»⁶ (известный принцип построения оды по Ломоносову). Сопрягать для Алексея Михайловича – это и значило познавать. Позднее я находил в его работах множество конкретных сближений, на первый взгляд, разнородного, но внутренне единого⁷. Он постоянно доказывал, что «далековатое» в Истории, а особенно в истории России, – гораздо ближе, чем кажется...

На тех же первых лекциях Алексей Михайлович много рассказывал об эмблематике, придворном быте, зрелищах, фейерверках, иллюминациях – помещая литературу, которую он нам открывал, в контекст культуры как целого.

Но все это было преддверием Семинара.

⁵ Сумароков А.П. Ода анакреонтическая (цит. по: Песков А.М. Тело родной души // Тело в русской культуре. М., 2005. С. 244).

⁶ В другом случае Алексей Михайлович связал это с цитатой из «Войны и мира» – про Пьера Безухова, который во сне услышал вместо «запрягать» – «сопрягать».

⁷ К примеру, его статья об истории лозунга «Догнать и перегнать!» сразу начинается с «лирического отступления»: «В России лет десять назад в продаже появилась ключевая вода “Святой источник” и в аннотации на ее двуязычной этикетке сообщалось: “Превосходит стандарты качества Европы и США” – историческая фраза, концентрирующая, как в архивированной записи компьютерного файла, национальное самосознание трех столетий...» (Песков А.М. О национальной ревности великороссов // Космополис. 2003. № 2).

Подобным же образом, бывало, он начинал лекции «Из истории русской культуры» с неожиданного экскурса в мир первобытного человека. Дмитрий Павлович Ивинский вспоминал, что обычно, по мере того как лектор говорил, некоторые слушатели начинали понимать, что речь идет не про «тогда», а про «сейчас», и почти ничего не изменилось, «новые узоры по старой канве». Но некоторые принимали все за чистую монету. В свою очередь, вспоминая задание, которое Алексей Михайлович предложил студентам на семинаре – сделать доклады под названием «Моя архаическая культура». Только сейчас осознаю, что у этого заголовка двойное дно.

Медленные сумерки за окном. Еще тепло, уже темнеет, включили свет. Хорошо помню вечер, когда состоялось первое занятие, с которого началось по-настоящему мое ученичество⁸.

Как только Алексей Михайлович вошел в просторную аудиторию – «девятую поточную» – в своей уже знакомой летней куртке, с рюкзаком на плече, и заговорил – по делу, просто, живо, весело – стало понятно, что Семинар не может не стать общим делом⁹.

Он написал на доске свой телефон и добавил: «Звоните после 22.30». Еще – назвал адрес электронной почты: alexsadow... Разгадку этого шифра я понял лишь много лет спустя.

Нас, новичков, в тот раз было много; некоторые еще толком не понимали, куда и зачем пришли (к примеру, я). Сразу налаживая диалог, Алексей Михайлович раздал каждому по листочку, где были написаны предполагаемые направления исследований¹⁰. И этот список у меня, к счастью, сохранился. На мой взгляд, это занимательный и далеко не полный конспект научных интересов самого Алексея Михайловича.

Вот лишь некоторые из пунктов:

<...>

- «Народность» и «народ» как идеологические фантомы XIX века.
- Надежды и ожидания человека в повседневном быту.
- Психология мятежника.
- Иностранцы путешественники в России: что они поняли из того, что им разрешили увидеть.

<...>

- Харизма поэта в русском образованном обществе.
- Мистификации.
- Сюжеты и персонажи коммерческой словесности: «морфология» развлекательного текста.
- Литература как психотерапия (о соотношении красоты и нравственности: почему писатель конца XVIII – XIX вв. мог считать, что он приносит добро только потому, что искусно пишет – см.: «чувства добрые я лирой пробуждал»).
- Литература как психопатия (о том, что смысл творчества для самого писателя заключается в выговаривании собственных болей – «болящий дух врачует песнопенье»).
- Автоцензура в России: запретные темы (секс, голод, конституция, etc.)
- «Гражданственность» и «духовность» как принцип жизни и эстетическая поза.
- Жизнь как текст: построение и понимание собственной жизни по аналогии с литературными персонажами.

⁸ Полагаю, первый наш семинар состоялся 15 октября 2001 года.

⁹ Это впечатление точно описано Алиной Бодровой в ее воспоминаниях.

¹⁰ Алексей Михайлович всегда щедро делился дополнительными материалами, без этого не обходился ни один его курс; библиографии у меня хранятся в отдельной папочке – всегда четкие, лаконичные, образцовые.

- Литературные репутации и иерархии.
- Топосы русской литературы (поля, леса, реки, квартиры, перекрестки, etc.).
- Лицо и тело в русской литературе.
- «Языковая картина мира»: слова, выражающие специфику национальной ментальности (дух/душа; воля/неволя; авось/небось; правда/истина; ум/сердце; страх/тоска, etc.).
- Статус личности в русском обществе: честь, слава, богатство, etc.
- Материальный мир чувств: восприятие запахов, цвета, света, звуков <...> семиотика еды, поэтика застолья, etc.
- Чужие: деревенский колдун; иностранцы; иезуиты; масоны; шпионы.
- <...>
- Мифы литературной критики («романтизм», «реализм», «чистое искусство», etc.).

Уже по этому списку видно, как смело научный руководитель зовет студентов за пределы узкой специальности, заголовка семинара, литературоведения как такового – в том числе, при помощи едва заметной иронии.

Меня сразу заинтересовал сюжет «Литература как психотерапия». Алексей Михайлович со своей неподражаемой интонацией сказал: «Замечательно!» – и тут же предложил тему: «Психотерапевтические приемы Николая Михайловича Карамзина и масонская “школа” Николая Ивановича Новикова». Я взялся, еще не зная, куда это заведет. Но Карамзин был угадан точно¹¹, он был для меня самым близким писателем в XVIII веке, наиболее человечески понятным.

Я приступил к работе с такой готовностью, потому что, смею думать, Алексей Михайлович сразу в меня поверил. И так – мне кажется – смели думать все его ученики. Создавалось ощущение, что все уже готово к пиршеству, но ты не осмеливался подойти к столу, и вдруг Алексей Михайлович приглашал. Его готовность доверить тебе дело формировала в тебе университетского человека, осознающего принадлежность определенной школе и традиции, которую продолжаешь, в том числе, и ты сам.

Казалось бы, соотношение «репутаций» и «иерархий» само собой разумелось. Авторитет Алексея Михайловича был безусловен. Но с самого начала он совершил взлом привычных ролей, обращаясь к каждому по имени-отчеству. Это было еще одной особенностью спецсема, его негласным этикетом, который тоже менял самосознание участников. Приятели и приятельницы в одночасье превратились в коллег¹², и вскоре стали именно так, по имени-отчеству, обращаться друг к другу. Опять: то ли забавно – то ли все очень всерьез...

¹¹ До сих пор иногда машинально отчеркиваю на полях книжек лекарственные метафоры медицинскими «змейками».

¹² Традиция, как выяснилось, принятая еще в семинаре Владимира Николаевича Турбина, участником которого до определенной поры был Алексей Михайлович. До сих пор, встречая в коридоре Леву Трахтенберга, коллегу по спецсеми, порываюсь по привычке сказать ему: «Здравствуйте, Лев Аркадьевич!».

Новое постигалось – с голоса, путем совместных докладов. Нередко сюда заходили талантливые ребята-лингвисты, которые с презрением относились к литературоведению, вообще «отрицали» его с эпатажным максимализмом (это был такой вариант стёба) и всегда готовы были словно бы нехотя промолвить: «Вообще-то все совсем не так». Но и это возвышало происходящее на очередную степень драйва, потому что сам уровень дискуссии был высок. Кроме того, Алексей Михайлович довольно часто приглашал на спецсем известных ученых и поэтов, и вновь возникал диалог¹³.

При некоторой отдельности¹⁴ семинара, на мой взгляд, мог «ответить» за весь филологический факультет, настолько он был представлен и богат на личности, образцов по культуре общения.

Я силился изобрести велосипед, впервые для себя подступаясь к проблеме читательского восприятия. Помню, прочитав мою первую поделку, Алексей Михайлович так намекнул мне, что пора бы изучить Ролана Барта, что получилось совсем не обидно, а, скорее, празднично (что-то вроде: «вместе будем читать»).

Алексей Михайлович недаром писал о воспитании царственных особ: «...преизбыток устыжения сеет ипохондрию, вялость усвоения и отвращение к учителям...», следовательно, «ободрительных ведомостей» должно быть «больше, чем устыдительных»¹⁵.

Алексей Михайлович безусловно придерживался этого принципа, если судить по его заметкам на моей скромной курсовой. Вот его резолюция – сразу узнаваемым округлым почерком на титульном листе:

- 1) Нет библиографии, нет подобающих сносок
- 2) Песков – не единственный автор, писавший о Новикове
- 3) А вообще – это хороший план будущей диссертации...

(Ничего, что последний пункт находился в некотором контрасте с первыми, а «будущий диссертант» только заканчивал тогда второй курс.)

На семинаре ощущалась свобода творчества, некая интеллектуальная лихость и простор. Не случайно понятия «свобода» и «воля» –

¹³ Что конкретно мы обсуждали? Я, помнится, делал доклады про работы М. Элиаде («Священное и мирское»), М. Мосса («Социальные функции священного»), А. Ван Геннепа («Обряды перехода»), П. Вена («Как пишут историю»), Б.А. Успенского («Царь и бог»), К. Гинзбурга («Мифы. Эмблемы. Приметы»), М. Блока («Короли-чудотворцы»), Т. Куна... Это помимо самого трепетного – докладов о курсовых.

¹⁴ «Характерные ролевые варианты фигуры маргинала в лирике первой трети XIX в. – гусар (у Д.В. Давыдова), бурш (у Н.М. Языкова), поэт (у всех)» («Въ пустыхъ разцѣтахъ, въ грубомъ снѣ...» [Комментарий] // *Боратынский Е.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. М., 2002. С. 309; курсив мой. – Ф. Е.*).

Кстати, приведенная цитата – характерный пример едва заметной метаморфозы академического жанра комментария, которую Алексей Михайлович и здесь произвел намеренно.

¹⁵ Песков А.М. Павел I. С. 164.

это излюбленная тема размышлений Алексея Михайловича. Он говорил: «Я думаю, что всякий, кто бывал или жил среди российских просторов, знает, что такое воля, свобода через ощущение огромности той земли, на которой ты живешь»¹⁶. Вспоминаю, как он звал нас вместе с ним поехать на конференцию в Тамбовскую область, «в Мару – в тот уголок земли, где небесная ширь сливается у горизонта с полевым простором»¹⁷, хотя бы просто «посмотреть на степи». И желающие, конечно, находились.

...Как правило, на спецсеме он всегда сидел в первом ряду справа, в углу аудитории, подперев ладонью подбородок, держа в пальцах ручку, что-то записывая. Он слушал докладчика отстраненно, казалось, никак не выдавал своего отношения к обсуждению, в том числе во время дискуссии. Потом вставал из-за стола – и, начиная с каких-то частных моментов, создавал на наших глазах стройные системы: живо, просто, как бы с чистого листа.

Когда он что-то объяснял, мог незаметно одернуть пиджак кулаками за борта, держа в руках сыпавшийся мел. В этом была необъяснимая уверенность, какой-то особый задор. Позднее я замечал у многих – и у себя – эту манеру.

Он любил писать на доске или даже рисовать (больше всего – *дерево*: корни – хтонические силы, крона – небо; то же самое – когда изображал мелом некий баобаб, объясняя идеи Шеллинга; еще рисунок: точка, Axis Mundi – и обвод окружности, обозначающий территорию, на которой для архаического человека начинается и заканчивается «Свое», где его космос структурирован, – и ведь запомнилось!).

Алексей Михайлович был человек вдохновенный (в пушкинском смысле: «Живейшее принятие впечатлений...»).

Его стиль преподавания был природно прозрачным («Успенский – это, собственно говоря, про что? Про то, что...»).

Вслед за простым, объясняющим, ладным выводом он всегда намечал дальнейший путь исследований.

В этот момент появлялась убежденность, что в науке безвыходных ситуаций не бывает. «Ну, вот и договорились», – он светло улыбался, взгляд был открыт, брови приподняты. Возникала недолгая пауза, когда ты понимал: ни убавить – ни прибавить.

И само улыбалось в ответ.

...Как-то я не пришел на семинар, потому что должен был делать сообщение на конференции по результатам фольклорной экспедиции, в которую ездил летом.

В рыжем, закатном солнце топал по лестнице. И вдруг увидел, что на площадке стоит Алексей Михайлович – один – и курит. Он со мной поздоровался, протянул руку.

Я стал бормотать, мол, извините, не пришел сегодня – доклад читал про казаков...

Он затыкнулся, прищурился. Он тогда носил небольшие бакенбарды, был, кажется, в темном пиджаке, с вечным рюкзаком за плечом.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. М., 1990. С. 234.

«Как сегодня все прошло?» – спросил я неловко.

И вдруг он сказал:

– Федор Андреевич, понимаете, семинар – это ведь как футбольная команда. Опорный полузащитник травму получил, нападающего дисквалифицировали, и команды нет.

И снова была веселость. Но он дал понять, что мое присутствие значимо. Дал почувствовать ответственность и – радость этой ответственности.

Я сказал, что понял. Но на самом деле понял, когда Вера Васильевна, вдова Алексея Михайловича, полусуто рассказала, что раньше он профессионально играл в футбол, был подающим надежды юниором «Спартака», лишь «после травмы головы стал филологом».

На мой взгляд, Алексей Михайлович стал великим тренером. Замечая, что сам поневоле мыслю в тех категориях, которые он задал, наблюдая многих его учеников, достигших настоящих успехов, я осознаю, что при всей легкости, ненавязчивости общения, он всегда имел в виду *результат* и его достигал¹⁸.

Он мог на ходу поставить «отлично» за несуществующую курсовую, поверив на слово, что она скоро будет. Но если кто-то изменял делу – ему было больно¹⁹. Понимаю это только теперь.

К нему приходили многие – и мало кто уходил, пусть его ученики иначе специализировались или надолго исчезали. Его обаяние привлекало. Он всегда был неизменно окружен многими. Один.

4

Алексей Михайлович был скрупулезен в деталях. На оборотке все той же курсовой, прочитанной им когда-то, я обнаружил его корректуру одного из стихотворений Евгения Абрамовича Боратынского, вошедших в собрание сочинений, которое готовилось под его руководством.

¹⁸ Помню наставления Алексея Михайловича о том, что специалист по литературе XVIII–XIX веков должен знать минимум три языка: в первую очередь французский, затем – немецкий и уж потом английский. Поэтому к пятому курсу, говорил он, извольте их выучить.

¹⁹ В этом плане филология была для него «мужским» делом: истина рождалась, в том числе, в споре с сильным оппонентом, доказательстве до победного конца, подчас в разрыве, но и готовности великодушно простить.

Подчеркну, его «нет» слышалось хорошо. Однажды речь на кафедре зашла о возможных оппонентах на защите диссертации ученика Алексея Михайловича. Меня поразила его категоричность: он уже все решил, другой вариант может быть только хуже – говорил вежливо, корректно, но твердо. В этом чувствовалась пушкинская наука «читать себя».

Доброжелательность, деликатность, благородство – и внутреннее чувство собственной правоты, готовность ее отстаивать – все это создавало еще один план, дополнительный объем личности ученого.

На этой страничке Алексей Михайлович поясняет одну ошибку – не поставленную наборщиком запятую в тексте «Элизийских полей»:

И вамъ, извѣстною порой
Законъ губительный Зевеса
Велить оставить міръ земной:
Мы встрѣтим васъ у вратъ Айдеса
Знакомой, дружеской толпой...

Алексей Михайлович пишет – торопливым карандашом, вокруг стихов, на полстраницы:

Типичная опечатка <...> – наборщик одну запятую поставил (после «вам»), а другую – пропустил (после «порой»); в результате получается бессмысленное обособление «И вам», которое возводится в ранг якобы неустойчивой пунктуации. Я готов согласиться с тем, что нет запятой в начале обособления и есть в конце – это характерно (так же, как характерно отсутствие запятой в начале деепричастного и причастного оборотов). Но обратная расстановка запятых – чтобы обособление выделялось запятой в своем начале, но не выделялось в конце – это лишь свидетельство оплошности, и только. Я бы поставил запятую по аналогии с № 37.1. Или снял бы запятую после «И вамъ».

Между прочим, в конечном варианте запятой все-таки нет²⁰ – и это тоже, полагаю, было заново осмыслено и перерешено.

Но Алексею Михайловичу, конечно, мало, подчас невыносимо было оставаться лишь «специалистом по запятым». Вот – уже его собственные стихи, написанные под псевдонимом – от лица его «второго я»:

Строг Твой грозный суд, Зиждитель!
Бледен, крылья опустил,
Страждет бедный составитель,
Не грызет своих удил,
Душу судорогой сводит,
Потому что нет отрад
Тем, кто жизнь свою проводит
В комментариях шарад²¹.

²⁰ См.: Бортнынский Е.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 190.

²¹ Сочинения Алекса Сэндоу: Материалы для ПСС. К самому себе / Вступ. заметка и публикация М.А. Гистер // Новое литературное обозрение. 2010. № 105. С. 192.

Между прочим, смутно припоминаю другую версию этого четверостишия, которую мне цитировал Андрей Зарецкий: «...и не помнят дней своих / Те, кто жизнь свою проводит / В расстановке запятых». И все же без работы над собранием сочинений Бортнынского «труды и дни» Алексея Михайловича были непредставимы. Данный масштабный проект, которым он руководил, был делом многих лет его жизни. Об этой важнейшей стороне деятельности семинара я знаю довольно мало.

Литература XVIII века, говорил он на одной из лекций, считалась «словесной наукой». Так, быть может, Алексей Михайлович воспринимал и то, что делал сам, постоянно расширяя рамки и филологии, и художественной прозы, и истории.

Шутливые литературные опыты, где он пробует пародийное и гротескное, – непредставимы без «серьеза» научного фона. И наоборот, почти все крупные исследовательские работы Алексея Михайловича – в каком-то смысле автобиографичны²².

Его книги лучатся интересом к жизни. Когда их читаешь, возникает иллюзия домашности, близости прошедшей эпохи.

«Павел I» (1999) – блестящая книга, и блеск этот проступает по мере прочтения и особенно перечтения²³. Смысл подобного жанра, как замечает автор, – «сам жанр»²⁴. История – в каком-то смысле – игра историка. Пленяет готовность автора при абсолютном владении материалом вдруг перевернуть академический жанр, придать реальности другое – художественное – измерение. Но в результате создается впечатление абсолютной жизненности картины...

Повествователь показывает: порой то, что мы называем историческим свидетельством, обладает самоподрывной силой. Приводимые им документы можно прочесть буквально, а можно – с осторожной иронией над принципом доверия историческому документу. Иной раз перестаешь замечать, что кавычки давно закрыты, и это сам автор движется на волне стилистики, к примеру Емельяна Пугачева...

Как-то Алексей Михайлович на семинаре обмолвился: «Миф – целебная вещь для утомленных бессмысленностью истории»²⁵. Границы, где заканчивается история и начинается миф, по его мнению, не существует. Отсюда, между прочим, его интерес к «русской идее» в разных ее вариантах – например, в сочинениях Бердяева, у которого сплошные «всегда, все, только, лишь, совсем, исключительно, нельзя, ничего, искони, крайний»²⁶. Отсюда, думаю, ироничное

²² В конце библиографии «Павла I» последний пункт: «Я» – ссылка на работу Алексея Михайловича.

²³ К примеру, автор цитирует оду на восшествие императора, написанную неким «Кижем» в соавторстве с Державиным, Майковым, Карамзиным и др. Понять, кто же настоящий создатель этого текста, можно, лишь заглянув в примечания, где указаны все источники цитат, – кроме Кижя, так как это псевдоним самого Алексея Михайловича (*Песков А.М. Павел I. С. 43*). В другом месте тоже есть ссылка на сочинение Кижя – в действительности вновь на работу самого автора (Там же. С. 100).

Подобным же образом книге о Боратынском предпосланы слова из некоего частного письма (подозреваю, это очередная мистификация Алексея Михайловича): «В России певец собственного недуга не может не быть выразителем родовой судьбы» (*Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. С. 8*).

²⁴ Там же. С. 12.

²⁵ Сказано это было на обсуждении работ М. Элиаде.

²⁶ *Песков А.М. Коммунизм – «неотвратимая судьба России»*. Историческая философия Н.А. Бердяева // Отечественные записки. М., 2004. № 5. С. 55–67. [Интернет-ресурс]: <http://www.strana-oz.ru/?article=936>.

внимание Алексея Михайловича к очередному мифотворцу – академику Фоменко, который вскрывает то, что вообще присуще истории как науке, создавая очередной миф, даже когда пытается сокрушить чужие («миф мифом вышибают»).

У Алексея Михайловича было острое восприятие времени как калейдоскопа, который в очередной раз из тех же стеклышек сложился именно так, а не иначе. В этой фазе нам выпало жить: хочешь – смейся, хочешь – плачь, хочешь – изучай. Когда он на лекциях перечислял, с кем сравнивали Петра I тогдашние «политтехнологи» (с Владимиром, Ганнибалом, Сципионом, Юлием Цезарем и пр. и пр.²⁷), то грустно добавлял: «Это совмещалось с привычным и как-то усваивалось...».

В его понимании история трагикомична, подчас абсурдна. В том числе и современная эпоха на очередном витке: «Мы вручали власть Рюрику, вручали Борису Годунову и Михаилу Романову, теперь вручили президенту России и двум столичным мэрам»²⁸.

Может показаться, что подобная позиция безжалостна к индивиду. Летопись дворцовых переворотов в том же «Павле» нередко предстает то ли «историей одного города», то ли полотном Босха:

На другой день происходил великий праздник, к которому Петербург готовился более месяца: женили придворных шутов – князя Голицына-квасника и дурку Буженинову. Для этого весь январь на льду Невы <...> строили ледяной дворец – чудо зодчества <...> На Тредиаковского надели маску и, выведши перед гостями, велели прочитать стихи, сочиненные им в честь долгожданной свадьбы, а после снова отправили под караул²⁹.

Свалка ошибок, сумасшедший тетрис... Такой взгляд предполагает отношение к символу (власти, например) как бездушной вещи, кукле, идеологической обманке. Есть здесь опасность всепоглощающей игры: дурной водоворот – и мы в него вглядываемся, забываем себя...

Но все то беспросветное, о чем писал и говорил Алексей Михайлович, высвечиваясь лучом его остроумия, уже не производило впечатления окончательной гибельности. В науке, которую делал Алексей Михайлович, были неуловимые оптимизм и витальность, при всей трезвости и здравомыслии исследователя. Он никогда не запутывал – наоборот, прояснял, избавлял, определял. Его ирония – была спасительной: «Таковы условия политической истории. Право, лучше разводить цветы»³⁰.

²⁷ Вспоминается, к примеру, одна из цитат, не раз слышанных от Алексея Михайловича. Феофан Прокопович в стихах обращается к Петру: «Все твоей начнут дружбы, все мира желати, и не дерзнут русского Марса раздражати...» (Прокопович Ф. Епифанион; цит. по: Песков А.М. Мы: Некоторые исторические параллели // Дружба народов. 1992. № 2. С. 220).

²⁸ Песков А.М. Мы: Некоторые исторические параллели. С. 227.

²⁹ Песков А.М. Павел I. С. 129.

³⁰ Там же. С. 296.

Вот и повествование о Павле формально имеет жесткую кольцевую композицию: «Замкнутый круг. И не выбежать из него. И негде ставить точку. Стрела времени упирается в собственный хвост»³¹. Но чувство, которое в действительности закольцовывает и объединяет все в этом тексте, – надежда. Не случайно «Словарь» к книге начинается со слова «Авось» – символа «русской надежды»³², а заканчивается «Якорем» – символом «надежды вообще»³³.

Финальными фразами: «Прощайте. Авось, образуется. Небось, прорвемся»³⁴ – автор завершает размышления о магическом круге времени, через который хочет пробиться³⁵. И здесь ирония? Или он абсолютно серьезен? Или одновременно и так, и так?

Не случайно рецензент его последней книги «“Русская идея” и “русская душа”» сетует, что автор не договаривает до конца³⁶. В том-то и дело, что иногда слишком горько договаривать. Материал показательнее, чем любой комментарий. Мы и сами – материал. Другой вопрос, как к этому относиться. Радостнее – воспринять ошибки как игру: авось прорвемся, небось выдюжим.

«Судьба неизъяснимо играет человеками, сама прокладывая им пути и не надеясь на их самостоянье в сем мире»³⁷, – сказано в другом сочинении Алексея Михайловича. И снова сказано иронично. Но и серьезно вполне.

Смиренно, может быть.

5

На моей памяти Алексей Михайлович всегда был *силен и молод*. Тактично и вежливо отклонял помощь, если она касалась его самого. «В конечном счете есть славное, придуманное древними мудрецами лекарство – равно пригодное для всех недугов бытия – ирония,

³¹ Там же. С. 351.

³² Там же. С. 397.

³³ Там же. С. 404. Между прочим, в последнем случае это еще и цитата из Боратынского: «...подняли якорь, надежды символ!» («Пироскаф»).

³⁴ Там же. С. 355.

³⁵ Автор «Павла» в конечном счете отвергает постмодернистскую игру. Не случайно в «Словаре» (то есть приложении к основному тексту) есть фраза: «Интертекст – данное слово в этой книге не употребляется» (Там же. С. 399).

³⁶ В частности, рецензент писал: «В чем смысл такой “аналитической отстраненности” в то время, когда вновь актуализируются пыльные мессианские идеи XIX века, теоретические споры материализуются в реальные конфликты, а хорошо забытые историософские химеры находят место в официальных текстах, выходящих из-под пера современных идеологов-компиляторов?» (Максимов И. [Рец. на кн.: Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007] // [Интернет-ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/re23.htm>)

³⁷ Песков А. М. Боратынский. Истинная повесть. С. 19.

спасающая нашу репутацию от унижающего сострадания»³⁸, — писал он в своей книге «Истинная повесть» о Боратынском (1990).

...Как-то вечером я вернулся из университета, что-то перекусывал, и вдруг позвонил Алексей Михайлович. Мама подумала, что к телефону просят моего папу — Андрея Федоровича, а не Федора Андреевича, меня безусого; ее тоже сбило с толку это обращение по имени-отчеству.

Я пару раз пропустил семинары. Но позвонил не я, а научный руководитель. Мне было стыдно. Взял трубку.

«Песков Алексей Михайлович говорит, может, помните такого...»

Я набрался смелости и в тот разговор сказал ему, что буду ходить параллельно в два спецсема, а курсовую буду писать, скорее всего, по Достоевскому, не у него. Легкость, простота его реакции меня растрогали: «Главное, что с вами все в порядке. А то я уж думал: куда вы исчезли?».

А он звонил предупредить, что завтра занятия не будет. «Спину скрутило», — Алексей Михайлович сказал это бодро, почти впроброс. Удивительно он умел так говорить. Мама тут же посоветовала какого-то врача, он записал телефон: «Передайте спасибо вашей матушке, Федор Андреевич».

Тяжело теперь это все вспоминать.

Вскоре Алексей Михайлович, казалось, выздоровел, я продолжал ходить на спецсем, он задавал мне делать доклады, всегда спрашивал про дела.

Я тогда думал примерно так: талант «дизвильемиста», специалиста по истории и культуре XVIII века — это редкость. Алексей Михайлович объяснял иную культуру через простые человеческие импульсы. Он понимал слабости и силу живших тогда людей, их эстетику, их поступки³⁹. Планка диалога поднималась на уровень субъектов эпохи. Новиков, Карамзин, Екатерина — становились его собеседниками, если использовать метафору Бахтина, к которому наш научный руководитель, очевидно, относился с некоторым недоверием.

Мне же XVIII век стал казаться герметичным, закрытым, не ощущал я в полной мере его вкус: да, маскарады, перевороты, интриги — но что от этого «русской душе»? Поэтому я постепенно уходил в XIX век, за его середину, к нам поближе...

Отношение Алексея Михайловича было мудрым, понимающим: он меня отпустил. Один раз, правда, спросил, уже спустя год, проверяя: «Ну, что? Отдаю вашу тему?» Но никому не отдал.

На защите диплома я сказал, что благодарен Алексею Михайловичу за науку. Слава Богу, ему передали, он узнал — и, говорят, его это тронуло.

³⁸ Там же. С. 191.

³⁹ Например, в правке моей курсовой, когда я написал о «художнической стороне таланта Новикова», Алексей Михайлович отметил: «Это слово не очень подходит для характеристики сочинений Новикова, ибо “художником” он, кажется, был весьма посредственным и сам не претендовал на то, чтобы им быть».

О человеческом масштабе нашего учителя участники спецсема догадывались сразу. Но сколько готовилось на вырост! Перечитывая тетрадки с лекциями, понимаю многие нюансы только теперь. Его наука — когда соседние с филологией дисциплины оказываются пристройками и флигельками в общем гуманитарном здании — кажется теперь чем-то очень близким, совсем своим.

Листаю выданные им хэнд-ауты, конспекты, книги — и приходит ощущение огромности эпохи, ее фактуры — будто растворяется огромная дверь. Вот сейчас бы обсудить! Но уже по наитию пытаешься пробиться в те пространства, куда Алексей Михайлович был мгновенным проводником. Уже после выпуска мы то и дело случайно пересекались, разговаривали. Было подспудное чувство спецсема как чего-то уязвимого, того, что нужно успеть застать. Но (как всегда бывает у дураков) самые разные заботы и дела постоянно откладывали «на потом» осуществление этого намерения.

6

Вдруг, однажды оказавшись в универе, я узнал, что в Пушкинской гостиной должна состояться встреча со знаменитым славистом Жоржем Нива. И остался до вечера. Выяснилось, что устраивать это выступление помогал Алексей Михайлович. Я сидел сбоку, возле окна. И вдруг его увидел. А он меня. Я боялся: вдруг не узнает. После он подошел ко мне, протянул свою крепкую, широкую ладонь: «Федор Андреевич, а я все думаю: вы или не вы?.. хотел вас поприветствовать, не стал. Думал, позабыли», — Алексей Михайлович сказал это иронично, «сокрушенно», как только он умел.

Потом что-то разливалось, ели конфеты. Было кулуарно, непосредственно, просто. Апрель 2009. За полгода до...

Алексей Михайлович, как мне видится теперь, был тогда больше обычного погружен в себя, задумчив.

Лишь потом, потом начинаешь осмыслять его слова...

На той встрече к Жоржу Нива обратилась студентка истфака, писавшая диплом о знаменитом Фестивале молодежи и студентов 1957 года. Нива стал рассказывать интереснейшие подробности про семинар Николая Калининновича Гудзия, людей, его окружавших, атмосферу тогдашнего университета.

После того как девушка ушла, Алексей Михайлович вдруг сказал — твердо, почти декларативно: «Жорж, жизнь ведь не бесконечная. А это бесценные вещи. Попросите эту студентку, чтобы она пришла к вам с диктофоном. У вас столько дел... Не напишете. Лучше просто наговорите ей все то, что вы сейчас рассказали».

Это прозвучало почти диссонансом. Было, мне кажется, в этих словах ощущение новой прямоты и какого-то иного масштаба⁴⁰. Вспоминается фрагмент из «Павла»:

⁴⁰ Точно так же ошарашивают некоторые фрагменты из «Боратынского» — особенной искренностью и неожиданностью в данном контексте:

Как-то слишком все серьезно высказано – непонятно, где искать проблеска иронии – признака игры. Особенно же угрюмо серьезен финал: о страхе жить и о ранней смерти – как-то уж очень живо проблескивает здесь не ирония, а чувство реально, мистически ощущаемой ще-ли, сквозь которую душу пронизывают лучи из запретных высот⁴¹.

...Я спрашивал Нива про знакомство с Солженицыным и Бродским. В частности, хотел узнать, как он относится к тому, что поэт запретил писать свою биографию. На мой взгляд, ни к чему хорошему это привести не может.

И вдруг Алексей Михайлович сказал примерно так: «Бродский – фигура сложная. Значит, такова была его воля... Он ведь так и со стихами хотел. Он хотел быть *хозяином своей частной жизни*».

Мне показалась, опять же, странной, неожиданной такая позиция – особенно для ученого. Но ведь и по поводу анакреонтической лирики он говорил еще на первых лекциях: «Приятная философия, не угнетающая человеческую душу»; «главный предмет изображения – *частный человек*»; «постоянное ощущение, что жизнь может прерваться в любой момент»...

Характерна в другом случае его мысль о российской истории: «Ограничение свобод власти переносится со столетия на столетие, и *отдельной человеческой жизни* все время не хватает»⁴² (курсив мой. – Ф. Е.).

Помню его заинтересованность при обсуждении стихотворения Пушкина «(Из Пиндемонти)»⁴³ – вещи, насквозь проникнутой пафосом частного жизнестроительства⁴⁴.

Внимательным отношением к уникальной личности можно объяснить недоверие Алексея Михайловича к «-измам», когда история

«И вот поют ангелы, и летят ангелы, и крылья их звенят, не задевая лба, и они проносятся рядом, а в двери входит перевозчик. “Ваше благородие! Ла-дья подана! Велено доставить вас в невредимости”. – Боже! Куда? – “На тот берег, барин. Речка ныне мертва, плыть сподручно. Идемте”» (Песков А. М. Боратынский. Истинная повесть. С. 101).

⁴¹ Песков А. М. Павел I. С. 314.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Тогда на спецсеме приходил Александр Константинович Жолковский.

⁴⁴ Приведу еще одно из устных размышлений Алексея Михайловича на ту же тему: «Если я лично чему-то научился из прошлого, так это только одному: различать свободу частную и свободу общественную <...> я уже сейчас могу сформулировать свою точку зрения на тот вопрос, что лучше: свобода или стабильность. Дело в том, что для частного человека свобода возможна только при стабильности. Свобода как положительное свойство возможна только при государственной стабильности, потому что только тогда человек может быть свободным, если государство стабильное, если общество стабильное...» (Чему и как мы учимся у прошлого? «Нейтральная территория» с Алексеем Песковым. Стенограмма радиопередачи // [Интернет-ресурс]: http://www.polit.ru/analytics/2009/01/14/finam_peskov.html)

литературы понимается как смена «направлений»⁴⁵, и в схему пытаются искусственно вместить множество неповторимых индивидуальностей⁴⁶.

Алексей Михайлович никогда не любил фотографироваться (по крайней мере, в официальной обстановке). Кажется, он и это воспринимал как некое нарушение privacy.

Вспоминаю его на заседаниях кафедры – посидит, да и уйдет. Потом, если нужно, опять появится.

Он желал быть хозяином своей частной жизни.

Поэтому его смерть, которую он хотел сделать максимально закрытой от посторонних глаз, стала для меня и многих его коллег таким ударом...

7

В июне 2009 мы с Алексеем Михайловичем увиделись в предпоследний раз, по скорбному поводу, на похоронах Анны Ивановны Журавлевой. Я зашел в храм и увидел в углу, на лавочке, знакомый рюкзак. А потом узнал самого Алексея Михайловича в толпе, со свечкой в руках, с бритой, непокрытой головой (никакого значения этому я не придал).

Пожали друг другу руки. Просто хотелось тогда его увидеть – и его присутствие поддержало, и его взгляд был совсем другим. У него было простодушное лицо. Он как будто вслушивался.

И – эта свеча. Я знал несколько высказываний, по которым мог судить об отношении Алексея Михайловича к традиционной ре-

⁴⁵ Вот одно из таких высказываний: «Разделение поэзии на классическую и романтическую – занятие неблагодарное в той же мере, в какой было некогда разделение писателей на древних и новых и в какой стало впоследствии распределение словесности по направлениям. Любые классификации хороши на большом расстоянии и подобны делению, например, всех женщин на пылких и страстных. А стоит приблизиться к предмету нашего любопытства, окажется, что общая судьба воплотилась в нем совершенно особенным образом, разрушающим все дальнзорские схемы. – Однако устройство нашего разума таково, что он по самой природе своей обязан постоянно все видимое, слышимое и осязаемое делить: на левое – правое, на сырое – вареное, на горячее – холодное, на высокое – низкое... Протестовать против этой привычки разума – значит противиться природе. – Что ж! *Будь каждый при своем...*» (Песков А. М. Боратынский. Истинная повесть. С. 234).

⁴⁶ Кстати, Алексей Михайлович при цитировании всегда учитывал качества личности мемуариста; подчас его отношение к тому или иному рассказчику очень заметно. Так, в «Павле I» видна симпатия к Порошину, в «Боратынском» – антипатия к Панаеву.

«Анекдот» с его конкретикой для Алексея Михайловича был всегда предпочтительнее любых однозначных «схем».

лигиозности⁴⁷. В этот раз – мне кажется – было иное. Но это сферы, в которых мы ничего не знаем и не должны знать.

Потом – конец августа? неужели сентябрь? – мы увидались на заседании кафедры. И это был последний раз. Он присел рядом. Между прочим заметил, что сейчас работает над циклом статей для сайта «Полит. Ру» под псевдонимом Алекс Сэндоу. И тогда я вспомнил его e-мейл. А он вдруг рассказал, откуда возникло это имя; про взаимную мистификацию, его – и Андрея Леонидовича Зорина, в издании «Памятные книжные даты»⁴⁸.

Я сказал, что хочу снова прийти в семинар. Скучаю по атмосфере. Сделаю докладик. Он сказал, что *будет ждать*. Спросил меня шутливо: «А чем вы сейчас занимаетесь? По-прежнему – самым вредным писателем (т. е. Достоевским)? Когда защита?».

Я рассказал, что скоро, и между прочим уточнил: «А никто случайно не брал мою тему, про метафору лекарства у масонов? Мне кажется, я нашел кое-что интересное». – «Вы же, Федор Андреевич, ушли, кто ее теперь возьмет», – Алексей Михайлович опять сказал это так печально и в то же время иронично, как только он умел.

Я должен был вскоре защититься и снова был в суете. Все думал: еще можно вернуться. Все еще можно...

«Жизнь идет, а смерть торопит»⁴⁹.

Смерть человека превращает случайные слова в единственные. Но у Алексея Михайловича не было случайных слов.

8

Когда ехали в машине с гробом – Марина Г. дала мне почитать газету – «Независимая», 1 апреля 1992 г. – интервью и стихотворения Алекса Сэндоу... Я открыл пожелтевшую уже страничку. И тут впервые хлынули на меня, поразили строки:

Когда ты вспомнишь обо мне –
потом, не завтра, а когда-то,
когда ты вспомнишь, друг мой, не
смотря на время между датой

⁴⁷ «Что касается свободы в религиозных рамках, это, как правило, сводится к тому, что свобода – это то, что позволяют делать старшие, то есть это свобода в Средние века. Это Домострой» (*Чему и как мы учимся у прошлого?* «Нейтральная территория» с Алексеем Песковым. Стенограмма радиопередачи. [Интернет-ресурс]: http://www.polit.ru/analytics/2009/01/14/finam_peskov.html).

Олег Анатольевич Проскурин, размышляя о поколении, к которому причислял и Алексея Михайловича, отмечал «религиозный индифферентизм», характерный для их круга. См.: Проскурин О. Поколение // [Интернет-ресурс]: <http://o-proskurin.livejournal.com/24402.html>

⁴⁸ *Памятные книжные даты* на 1991. М., 1991. С. 111–113.

⁴⁹ Песков А. М. Боратынский. Истинная повесть. С. 20.

сегодняшней и той, когда
ты вспомнишь, а в воспоминаньи —
твоим наличия следа
живого о существовании
моим не сыщется, — в тебе
тогда замолкнувшие, точно
нашедшие себе прибе-
жище бездомные, построчно
слова стихов моих в твоим
мозгу оттают и на память
к тебе приду я, и в пустом
еще воспоминаньи на нить
сюжета обо мне начнет
нанизывать твоим сознание
ожившими словами тот
мой облик, что в воспоминаньи
твоим возник, не позабудь,
прошу тебя, сквозь эти ямбы
меня тихонько вспомнать
слезою мысленной хотя бы.⁵⁰

Вдруг прочесть такое, провожая в последний путь — среди стихов смешных и экспромтных⁵¹, среди... «То, что на первый взгляд может показаться прихотливой игрой, на деле оказывается вполне серьезным»⁵², — писал когда-то Олег Анатольевич Проскурин об «Истинной повести». Он был до боли прав.

Андрей Семенович Немзер на прощании сказал, что со смертью друга слишком многое придется перестроить в душе.

Но невозможно это. И, наверное, не нужно. Есть люди, само присутствие которых (даже незримое) делает тебя — тобой⁵³.

⁵⁰ Цит. по: Сочинения Алекса Сэндоу: Материалы для ПСС. С. 194.

Эти строки возникают и во внутреннем монологе его героя — Боратынского, который становится, таким образом, его «альтер-эго» — в «Истинной повести». Поэт произносит те слова, которые напишет позднее Алекс Сэндоу: «О Анета! В обществе вечных сестер Аргуновых, в шелку и бархате, в улыбке и томной грусти, о Сандрильона Роченсальма! Что писать вам? Когда ты вспомнишь обо мне, в краю ином — потом, когда-то, когда ты вспомнишь, друг мой, не смотря на время между датой сегодняшней и той, когда ты воспомянешь, и когда ты воспомянешь как-то обо мне в краю ином, потом, когда-то, когда ты вспомнишь, друг мой, не... — Нет, нет, нет! Я хочу что-нибудь более любезного. — Ах, Анета!». И далее начинается уже боратынское: «Когда придется как-нибудь / В досужный час вспомнать / Вам о Финляндии суровой...» (Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. С. 253).

⁵¹ Еще из сильнейших — стихотворение про сеньора Трезини (см.: Сочинения Алекса Сэндоу: Материалы для ПСС. С. 195–196.)

⁵² Проскурин О. «Истинная повесть» // Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. С. 7.

⁵³ Из воспоминаний Анны Валерьевны Архангельской: «Помню, перед защитой кандидатской АМ подошел ко мне и протянул фигурку всадника на

А рассказать, конечно, не получилось. Пытаешься найти слова, когда уже не нужно слов. Верно писал Алексей Михайлович:

...мы умеем хорошо рассказывать только о плохом, а о хорошем рассказываем обычно плохо. Видимо, радость жизни не поддается словесному воспроизведению, и не выработан еще слог, чтобы передать эту праздничность, это смутное, волнующее порхание быстропролетающих минут, <...> этот пьянящий воздух молодости, в котором оживаешь, забывая о тревогах грядущего дня⁵⁴.

Но какие чудеса бывают в жизни. Например, то, что Алексей Михайлович был нашим учителем. Чудо такой встречи – не постижимо.

И снова, открыв наугад «Боратынского», слышишь его тон, его голос:

Мы не сами изобретаем себе роли, – получая назначенные нам судьбой, однако сами оформляем их, исходя из того, кто наш зритель – друг, возлюбленная, маменька, баталионный командир или кто еще. <...> Всегда существует опасность слиться с ролью – не себя в ней выразить, а сделать свою жизнь воплощением какой-нибудь роли. <...> Этому немало помогают и наши зрители, желающие придать нашему образу в своих глазах четкие контуры законченного портрета. Быть всепокорнейшим сыном, нежно любящим братом, мстителем-разбойником, элегическим стихотворцем, романтическим героем, повесничающим проказником, Чайльд Гарольдом или Гамлетом – нетрудно. Трудно стать после всего этого самим собой, и только немногим удастся неповторимо выразиться в уже готовых жизненных амплуа. Еще более немногим дано из разных своих ролей выстроить некую одну, похожую, конечно, на многие, но даже при беглом взгляде – единственную. <...> Не тщеславие их делает такими, а чувство собственного достоинства. Оно дает им силы в борьбе с судьбой за свое имя и за свободу выбора своего отдельного пути⁵⁵.

В этой борьбе, возвысившись над множеством навязываемых ролей, Алексей Михайлович победил; он неповторим.

Алексей Михайлович выдерживает крупный план – «необщий», используя эпитет Боратынского. Но незаметно уходит на средний – и отдаляется. Может, дело в оптике. А может, в нем самом. (Не случайно ведь и Боратынский в его «Истинной повести» – «тень»⁵⁶.)

коне: – Вам сегодня надо быть стойкой! – Он всегда и для каждого находил очень простые, но очень нужные слова. Не помню, видела ли я его когда-нибудь не улыбающимся: даже в те редкие моменты в последнее время, когда он появлялся на факультете» (Архангельская А.В. [Памяти А.М. Пескова] // Интернет-ресурс]: <http://kvakl-brodakl.livejournal.com/324951.html>).

⁵⁴ Песков А.М. Павел I. С. 322.

⁵⁵ Песков А.М. Боратынский. Истинная повесть. С. 117.

⁵⁶ Проскурин О. «Истинная повесть». С. 6.

При всей уверенности в себе, завершенности облика, научной выправке Алексей Михайлович постоянно постигал и прочерчивал свой собственный путь, свою судьбу. Мир житнетворца невольно держится скрепами тех самых сопряжений («все во мне, и я во всем»), которые его всегда волновали. Может, он и сопротивлялся этому стремлению как чему-то ненаучному или относил это на счет коренных свойств культуры, но ведь поневоле находил во всем единство замысла, Промысла, судьбы.

Он ушел. Право называть Алексея Михайловича, нашего учителя, по имени-отчеству — теперь навсегда высокая честь. И отдаленность, и боль, и близость.

9

И опять наплывают как бы случайные воспоминания.

Вот вечер, когда Алексей Михайлович пригласил на факультет Дмитрия Александровича Пригова. Так и стоит перед глазами: поэт прячет в карман нарезанные мелко стихи, похожие на билетики, так почти ничего и не прочитав, столько было вопросов... Оба спускаются по лестнице с «большого сачка». Дмитрий Александрович надевает плащ, Алексей Михайлович в куртке — и уходят вдвоем. А там, за грохнувшей дверью, — зима, ночь.

Как это запало в память? Ретроспективно стало обладать смыслом? Или уже тогда обладало?

Вот другое: Алексей Михайлович в перерыве между лекцией и семинаром в куртке на первом этаже, сидит в кресле, задумчиво держит в пальцах свою терпкую черную сигарету, но тут же приветливо улыбается, если увидит знакомое лицо...

Вот он отряхивает руки от мела, говоря с Андреем Зарецким, что-то решают насчет ПСС Боратынского...

А то вдруг — сон: Алексей Михайлович сидит в довольно тесном помещении среди нагромождения стульев. Я хочу обсудить какие-то детали, про какие-то иллюстрации. Но вижу, он сильно чем-то встревожен или раздосадован. «Что такое, Алексей Михайлович?» — «Одно чрезвычайно неприятное обстоятельство», — и ждет звонка мобильного в нагрудном кармане.

В другой раз — под утро — только его *голос*: «Я такой же, как вы, только легкий...».

Но чаще всего почему-то вспоминается полузабытый эпизод.

Была дневная лекция по истории русской культуры⁵⁷. Алексей Михайлович рассказывал про культуру и историю гуннов... И вдруг раздался залиvistый детский плач. Оказалось, студентка — молодая мама, сидя на занятии, кормила младенца-грудничка из бутылочки, и вдруг малыш закапризничал.

⁵⁷ Помню, Алексей Михайлович перед каждой лекцией устраивал викторины (та или иная дата по юлианскому и григорианскому календарю, очередность правления государей в эпоху дворцовых переворотов и т. п.), после

Она стала извиняться, покраснела. Но Алексей Михайлович сказал в ответ что-то такое находчивое, доброжелательное. Не помню, что именно. Но столько в этом было мира, человечности, нежности, такта... Что же он сказал?

«Будем считать это драгоценной подробностью жизни, которую она утаила от истории»⁵⁸, – писал как-то Алексей Михайлович, объясняя очередную свою мистификацию.

Он был остро талантлив на эти драгоценные подробности – вне слов, помимо слов.

Когда пытаешься воскресить их в памяти, исчезает дурное коловращение горя. Появляется надежда, что это лишь начало разговора.

Бесконечное начало... Несрочная весна... Вечная надежда.

Октябрь 2009; 2010; январь – февраль – март 2011

этого подсчитывал баллы, хотя в конце концов всем ставил зачет, спросив что-нибудь типа: «Кто написал “Бедную Лизу” Карамзина?»

Стоит перед глазами день, когда Алексей Михайлович принимал очередной такой зачет: формальная процедура, когда на доске он заранее писал «рыбу»: дата, имя, предмет. Поля заполнялись студентами, зачетки штабелировались, Алексей Михайлович расписывался и отдавал стопку.

Вдруг, когда я подошел к столу, он взял мою зачетку и спросил: «Что прочли нового? О чем расскажете?» Внезапно вызвал на настоящий разговор. Здесь бы пообщаться, ведь он приглашал. А я почти растерялся. Сказал что-то невнятное – про книжки по списку... И – не вернуться. Наверное, эти «не вернуться» будут укорять всю жизнь.

⁵⁸ Песков А.М. 7 ноября: Анекдоты и факты // Дружба народов. 1993. № 11–12. С. 8.